

Су И опустил взгляд, вспоминая прошлое:

— Кажется, у меня всегда был этот «синдром сумеречной тревоги».

Му Чэнь повернулся:

— Что это вообще такое?

Су И взглянул на него:

— Это когда ближе к вечеру, на закате, я чувствую себя особенно одиноко и тревожно. Будто становлюсь другим человеком, и это очень неприятно.

Му Чэнь удивлённо посмотрел на него.

Су И продолжил:

— Наверное, это из детства. Бабушка говорила, я в детстве каждый вечер ни с того ни с сего заходил в плаче. Повзрослев, плакать перестал, но с наступлением сумерек всё равно накатывает тоска.

Му Чэнь бросил ребрышки в глиняный горшок, помыл руки, прислонился к столешнице и смотрел на Су И:

— А как с этим справляться?

Су И поднял на него глаза:

— В университете я читал книги по психологии, хотел найти корень проблемы и понять, как её преодолеть.

Му Чэнь:

— И нашёл?

Су И кивнул:

— Да. Наверное, всё началось, когда мне был годик. Вдруг мама исчезла. Семья тогда жила бедно, родителям приходилось много работать, им было не до меня. Бабушка увезла меня далеко, к деду, на его работу. Уехали на много лет. Я тогда не понимал, почему мамы вдруг нет рядом. Вернулся только в шесть лет и даже не узнал её.

Су И почувствовал, как в носу защекотало, глубоко вздохнул и взял новый кусок лотоса.

Му Чэнь не отрывал от него взгляд:

— И что потом? Чувство осталось?

Су И опустил голову:

— Да, осталось. Всё кажется, что люди вокруг могут внезапно исчезнуть. Это что-то вроде расстройства привязанности.

Му Чэнь:

— Что такое расстройство привязанности?

Су И объяснил:

— Оно бывает у двадцати-тридцати процентов людей. Многие в детстве надолго разлучались с родителями. Повзрослев, они изо всех сил цепляются за близких, боятся, что те их внезапно бросят, не чувствуют себя в безопасности.

Му Чэнь:

— А лечится это?

Су И горько усмехнулся:

— Я перерыл все материалы по психологии в нашем университете. Увы, это чувство, скорее всего, со мной на всю жизнь.

Му Чэнь присел перед Су И, заглядывая ему в опущенные глаза, и серьёзно спросил:

— А можно ли его облегчить?

Су И замер на мгновение, глядя на него:

— Да я уже привык. Иногда, когда накатывает, иду заниматься спортом, читаю или фильм смотрю. Как только этот момент проходит, всё налаживается. Обычно к восьми вечера я уже в норме, полон сил. Ты разве не собираешься готовить?

Му Чэнь смотрел на него молча, а потом, улыбнувшись, встал и потрепал Су И по голове:

— А сейчас тебе плохо?

Су И тоже улыбнулся:

— Конечно нет.

Му Чэнь сказал:

— Может, потому что я рядом?

Су И на секунду замер, затем небрежно бросил:

— Просто увидел закат за окном и вспомнил.

Му Чэнь снова присел и очень серьёзно спросил:

— Когда я рядом, тебе хоть немного легче?

Су И, глядя в глаза Му Чэню, через мгновение криво усмехнулся:

— Что, хочешь стать моим лекарством?

Му Чэнь надул губы, повернулся, взял кукурузу и принялся за готовку.

Су И промолчал. Последние три года Му Чэнь был для него лекарством. Каждый вечер он думал: вот бы только увидеть его, оказаться рядом, проводить с ним каждый день.

Возможно, эта внезапная тайная влюблённость и была той силой, что помогала ему идти вперёд. Хотя тот человек и не подозревал, что кто-то в одиночестве смотрит на него снизу вверх, любит его. А теперь он здесь, рядом, варит суп и тушит для него рёбрышки. Странно и радостно.

Су И взглянул на закат за окном. Закат и правда был прекрасен и тёпел. Всё зависит от того, кто на него смотрит и что чувствует при этом.

Рёбрышки тушились до самого вечера. Они сидели за маленьким столом при включённом телевизоре. Еда была ароматной, и Су И съел добрую половину горшка.

Насытившись, Му Чэнь посмотрел на Су И:

— Ну как? Вечернее расстройство привязанности прошло?

Су И фыркнул:

— Ты всё ещё помнишь? Какие сумерки, уже ночь на дворе. Я в самой что ни на есть активной фазе.

Му Чэнь цокнул языком:

— Тогда в своём активном состоянии иди помой посуду.

Су И схватился за живот:

— Ой, рана болит.

Му Чэнь прищурился:

— У тебя же ребро сломано?

Су И подвинул руку выше:

— Ой, не могу.

Му Чэнь усмехнулся, встал и начал собирать тарелки. Су И, прихрамывая, поплёлся за ним:

— Спасибо, брат Чэнь.

Му Чэнь обернулся, видимо, хотел снова потрепать его по голове, но, увидев свои жирные руки, с сожалением вздохнул:

— Если в следующий раз будет плохо — скажи. Я приду.

Су И на мгновение остолбенел, и в сердце что-то мягко дрогнуло.

Му Чэнь продолжил:

— Я ведь недалеко живу. Когда не на дежурстве, можно и спортом заняться. Как нога заживёт — в баскетбол сыграем. Кстати, у вас там река рядом, да? Можно и поплавать.

Услышав «поплавать», Су И почувствовал, как сердце ёкнуло.

С того разговора о «вечернем одиночестве» Му Чэнь словно превратился в сиделку и время от

времени навещал «больного».

С момента, как Су И подвернул ногу, прошло уже полмесяца. Каждое утро, стоит ему спуститься вниз, как сзади раздаётся знакомый гудок. Первые дни он ещё оборачивался, но после трёх дней подряд Су И, едва ступив на улицу, не глядя шёл к обочине. Раньше он ещё поглядывал на номера — как бы не сесть в чужую машину, — а теперь и этого не делал: по звуку клаксона сразу узнавал знакомую тачку.

Погода уже потеплела, молодые тела легко разгорячались. Но только после Первомая полицейские наконец-то смогут по уставу снять толстые чёрные кители. Су И привык носить под формой футболку. Рубашку — только служебную, да и та, по его ощущениям, всё время натирала кадык. Наверное, из-за того, что кадык у него был крупный, это было особенно невыносимо. На официальных мероприятиях ещё и галстук надевать приходилось — Су И тогда вообще задыхался.

Сначала он ещё носил форму на работу и с работы, но, отслужив полгода, стал избегать её, когда только можно. Сейчас, кроме дежурств, когда нужно было надевать китель по уставу, Су И ограничивался брюками и футболкой, а куртку накидывал на плечи, да ещё и изнанкой наружу, чтобы скрыть все полицейские нашивки. Так можно было спокойно развалиться, закинуть ногу на ногу и вообще расслабиться.

Эх, чувствуешь себя уже бывалым.

— Что хочешь поесть? — спросил Му Чэнь.

Су И посмотрел на него: тот был по-прежнему аккуратно одет в синюю рубашку, поверх — тёплая куртка.

— Тебе не жарко? — не удержался Су И.

Му Чэнь ответил:

— Весной нужно утепляться, осенью — закаляться, разве не знаешь?

Су И цокнул языком:

— Старикам о здоровье заботиться положено.

Му Чэнь прищурился:

— Ещё раз про возраст заикнёшься — получишь.

Су И усмехнулся:

— Давай сегодня соевое молоко и палочки. Давно не ел, лапша уже приелась.

Му Чэнь сказал:

— Палочки вредные.

Су И был в недоумении:

— Я изредка, одну штуку. Ты не мог бы вести себя как нормальный молодой человек?

Му Чэнь спросил:

— А как ведут себя нормальные молодые люди?

Су И задумался:

— Ну... более свободно, беззаботно, бесстрашно. А ты что? Работа, дом, готовка, спорт, книги, сон. Ты вообще не развлекаешься?

Му Чэнь повернулся к нему:

— А я разве не развлекаюсь, ухаживая за тобой, предок?

Су И задумался. Вроде и правда: кроме дежурств, Му Чэнь после работы не только отвозил его домой, но и за продуктами ходил, и ужин готовил, и убирал, а потом ещё и телевизор с ним смотрел, строя планы на баскетбол после выздоровления. Нарочно или случайно, но Му Чэнь всегда задерживался до восьми вечера, и Су И уже почти забыл о своём тревожном расстройстве.

Су И улыбнулся, не говоря ни слова, и невольно принялся разглядывать Му Чэня. Тот покосился на него:

— Нога ещё не зажила?

<http://bllate.org/book/16252/1461865>